

О СПЕЦИФИКЕ ПОЭТИКИ ОЧЕРКА «ПРОСТЫЕ СМЕРТНЫЕ» С. Д. ХВОЩИНСКОЙ

К.В. Смирнов

Ключевые слова: С. Д. Хвощинская, патриархальное мировоззрение, пансион, фольклор, русская женщина

Keywords: S. D. Khvoshchinskaya, patriarchal worldview, boarding house, folklore, Russian woman

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)3–02](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)3–02)

Введение
В 1858 г. на страницах журнала А. А. Краевского «Отечественные записки», прорецензированного И. А. Гончаровым, появляется очерк из провинциальной жизни И. Весеньева «Простые смертные» (хотя в 1865 г. в журнале «Библиотека для чтения» очерк Хвощинской «Маленькие беды» был подписан Ив. Весеньев (С. Д. Хвощинская. 1865. С. 56) — вероятно, подобные изменения стали результатом решения редактора, что, впрочем, ничего не изменило). Это было одно из нескольких произведений С. Д. Хвощинской, предпочитавшей не обозначать свою настоящую фамилию. В центре произведения 28-летний Иван Васильевич, который в далеком 1855 г. по определенным обстоятельствам вынужден проводить довольно много времени у пожилых сестер Граблинских (по старшинству — Александры, Любои, Катерины и Веры) за долгими разговорами о сплетнях. Почтенные женщины живут в некоем городе В*** на значительном расстоянии от столичных городов и большую часть времени проводят за вязанием.

Результаты исследования и обсуждение

Условно композиционную структуру очерка «Простые смертные» можно разделить на три модуля. Первый представляет собой описание бытовых подробностей жизни героинь, через судьбы которых Хвощинская раскрыла тему женской эмансипации как одну из основных в русском обществе XIX в., детерминирующую проблемы женской образованности, социальной роли, вовлеченности в процесс развития социума. Второй — подробное описание «закрытого» локуса дома сестер Граблинских (по старшинству — Александры, Любои, Катерины и Веры). Почтенные женщины, не снискавшие счастья семейной жизни, посе-

лились в некоем городе В*** на значительном расстоянии от столицы и практически никуда из дома не выходили. Каждая из них имеет свою историю, определяющую систему причинно-следственных связей появления, формирования и функционирования закрытости локуса дома Граблинских. Третий — появление Анисьи и развитие сюжета и основного конфликта произведения.

Первое, на что обращает внимание С. Д. Хвоцинская, — проблема женского образования. В очерке она представлена через образы сестер Граблинских: *«В губерниях, отдаленных от Москвы верст за тысячу, неприступных, по недостатку всяких средств сообщения — в таких степных углах, куда долго-долго не достигали новые понятия о жизни общественной и ее условиях — о воспитании девиц, особенно незнатных и небогатых, еще вовсе не думали. Довольно было, если они знали церковную грамоту; а если и той не знали — бедой не считалось»* (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 2⁵), — пишет Софья Дмитриевна. *«В приеме гостей и вообще в обхождении с посторонними еще не ведали утонченностей, тем менее искали научного знания; дома нужен был один талант: умение хозяйничать, рукодельничать и беспрекословно слушаться»* (Там же. С. 3), — так обозначены Хвоцинской современные ей реалии женского образования. Если обратиться к истории, данный вопрос действительно был очень актуальным. По мнению профессора А. В. Куницына, «везде право лиц мужского пола есть право, так сказать, нормальное, а из него существуют большие или меньшие изъятия для другого пола, изъятия — иногда в пользу женского пола, иногда к невыгоде» [Куницын, 1855, с. 141]. Известный анархист, автор «Хлеба и воли» П. А. Кропоткин также касается проблемы женского образования: «А между тем, несмотря на его нежелание, несмотря на оппозицию жандармов, изображавших царю каждую учащуюся женщину революционеркой, несмотря на громы против всего движения и на гнусные обвинения, которые Катков печатал в каждом номере своей подлой газеты, женщины все же добились открытия ряда курсов. Некоторые из них получили докторские дипломы за границей, а в 1872 году они добились разрешения открыть в Петербурге высшие медицинские курсы на частные средства» [Кропоткин, 1988, с. 253]. Данный вопрос время от времени ак-

⁵ Здесь и далее цитаты даны по изданиям: Хвоцинская С. Д. Наследство тетушки // Отечественные записки, 1858, Т. CXVII. С. 165–186; Хвоцинская С. Д. Простые смертные // Отечественные записки, 1858, Т. CXX. С. 1–38; Хвоцинская С. Д. Городские и деревенские. Часть 1 // Отечественные записки, 1863, Т. CXLVII. С. 1–73.

туализируется. С точки зрения священника Д. П. Соколова, женщина «не ниже мужчины, потому что она не только помощница мужу, она помощница „подобная ему“, — при этом только в условии равенства может оказывать ему помощь, в которой он нуждается. Однако же место это второстепенное, зависимое: жена сотворена после мужа — создана для мужа. Как взятая от него, она „кость от костей его, плоть от плоти его“ и столь тесно соединена с ним, что он не может унижить ее, не унижая самого себя, но в то же время, как созданная из его ребра, она ему обязана и светом, которым наслаждается, и именем, которое носит» [Соколов, 2016, с. 8–9].

В то время проблема женского образования практически не решалась. Разумеется, создавались женские пансионы, в которых девочек обучали различным наукам. И здесь Хвощинская в полной мере показала их специфику на примере воспитательниц таких заведений, с которыми контактировала в годы жизни и учебы в пансионе. Путь в неизвестность, безвыходность ситуации, невозможность что-либо изменить — именно это может быть названо главными характеристиками женских образов, создаваемых писательницей. *«Чем же (женищина. — К. С.) жила? Неужели все здесь, к чему она прилеплялась, чем дышала в этом холодном исполнении мелочного долга, с подсматриваниями, доносами, с преувеличением каждого вздора до чудовищных размеров? Пустота и пустота! И прожить только этим, и спокойно, не страдая пустошой, прожить так женищине — невозможно! Где же молодость, красота, грация? где труд и наука? где первые мечты любви? где сама любовь? страсть, слезы, ревность и самоотвержение? где дружба?»* (С. Д. Хвощинская. Наследство тетюшки. 1858. С. 179)», — именно так описывает Хвощинская основы, которые должны были формировать будущее русского женского образования.

Элемент экспозиции, базирующийся на отсутствии образования у сестер Граблинских, восходит к биографии самой писательницы. Вспоминая о времени, проведенном в стенах Екатерининского университета, Хвощинская пишет: *«В 5-м отделении была классная дама кислейшей наружности и кислейшего характера. Пятнадцать лет она продвигалась на своем поприще. Быть может, когда-нибудь она была образованна, но с тех пор как выучилась, не сочла нужным идти вперед ни для себя, ни для своих учениц, которым помощь классных дам при повторении или подготовке уроков была бы необходима. <...> Но дама соскучилась. За стенами института у нее не было знакомой души»* (С. Д. Хвощинская. Воспоминания институтской жизни. 2013. С. 137). Здесь уместно сказать о тождественности образа воспитатель-

ницы Анны Степановны (классной дамы Софьи Дмитриевны) с образами любой из героинь «Наследства тетушки» — и с Агриппиной Павловной, и с Аделаидой Ивановной. Характеристике классных дам уделяет особое внимание одна из воспитанниц пансиона А. Н. Энгельгардт в «Очерках институтской жизни былого времени»: «Классные дамы — порой мучительницы институток, а порой и мученицы — были обставлены всего невыгоднее в глазах воспитанниц; роль их была самая трудная и требовала почти нечеловеческих совершенств, а потому с ними по преимуществу отношения институток были натянуты и неискренни» [А. Н. Энгельгардт, 2008, с. 159]. А. Н. Энгельгардт продолжает: «Совсем иначе стояли в институте пепиньерки. Пепиньерками назывались девицы, которые оставались в институте после выпуска на три года и несли такие обязанности: дежурить ежедневно в классах в тот час, который давался классным дамам для отдыха» [Энгельгардт, 2008, с. 159–160]. На статичность мира пансиона и его «неестественныйнутренний покой» указывает Хвоцинская в «Наследстве тетушки»: *«среди девушек, собравшихся вблизи окон, не было слышно мелодичного девичьего смеха; его заменяло какое-то тяжелое, принужденное шептание; юношеская красота бесследно пропадала среди сухих страниц книг»* (С. Д. Хвоцинская. Наследство тетушки. 1858. С. 170).

Локус пансиона — локус особенный, своеобразный «замкнутый рай», в котором все выглядит исключительно лишь снаружи. В определенной степени подобные заведения могут быть названы черным пятном на теле века эстетики — времени, в которое создавались образы Татьян Лариных и Катерин Кабановых, — тех, чье прошлое было искажено безумием подчинения безумству. Софья Дмитриевна лишает сестер Граблинских подобного испытания, однако очень точно подмечает факт присутствия в их доме французского учителя, о котором необходимо сказать подробнее. В исторических этюдах В. О. Михневича значится следующее: «Хорошо было моралистам и сатирикам отрицать французов — гувернеров и учителей и французские пансионы; но если бы их попросили указать — кем лучшим и откуда следовало и откуда можно было бы заменить в этом деле иностранцев, то они, конечно, стали бы в тупик. Родителям, желавшим дать приличное, по требованиям века, воспитание своим детям, за изъятием педагогов-французов (Мария Кирилловна Троекурова из «Дубровского» А. С. Пушкина. — К. С.), почти не из кого было выбирать. Отечественных педагогов или вовсе не было тогда, или те, которые были, оказывались нисколько не учение и не благонадежнее иностранных» [Михневич, 1990, с. 76].

Массовое проникновение лжеучителей из Франции стало в определенной степени значительной проблемой русского общества времен правления Николая I. Эксперт в области мемуаристики Ж.-В. Мау замечает: «В больших городах, если семья состоит из шести человек, на стол ставят девять или десять приборов, предназначенных для случайных посетителей; как я уже говорил, их принимают, потому что это почти ничего не стоит и вдобавок, потому, что эти профессиональные паразиты делают все возможное, чтобы быть приятными своим хозяевам. Они обучают французскому языку, которого не знают, хотя и выдают себя за литераторов; танцевальные учителя, изображающие свое ремесло высшим из искусств, маляры, именующие себя художниками, музыканты, профессора фехтовального дела — все это усаживается за самыми роскошными столами, ест, пьет, спорит и старается увеселять или по крайней мере занимать своего амфитриона» [Мау, 1830, pp. 135-136]. На многочисленное присутствие французских учителей и специалистов в определенной сфере деятельности указывал и исследователь И. М. Троцкий: «Заезжий булочник, не найдя себе применения по специальности, делается гатчинским офицером и успешно продвигается по служебной лестнице» [Троцкий, 1990, с. 84]. Преклонение перед французской культурой становится патологией русского общества, прочно прорастая в национальную культуру, разрушая исконно русскую самобытность.

Софья Дмитриевна обращает на это внимание в очерке «Простые смертные»: *«Позже, когда у Граблинских подросла меньшая дочь, довольно отставшая от сестер годами, в помещичьи круги стало мало-помалу проникать повеетрие губернских и столичных обществ — мания французского языка. О применении к делу этого знания никто не думал, а просто хотели говорить во что бы то ни стало, и многие — как ни попало, только бы говорить. Это общее направление потревожило и патриархальное спокойствие Граблинских, дотоле живших мирно в своем неведении: старики решили учить меньшую дочь, Веру Степановну, по-французски»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 3).

Провинциальная культура не знала той «эстетики», которая была свойственна столичным городам, однако всячески стремилась сгладить неизбежно существующую разницу. По вполне объективным причинам исконно русское склонялось перед западным, более прогрессивным, на что указывает литературовед Л. П. Гроссман. Ввиду этого довольно часто в провинции можно было увидеть красавиц, которые искажали свое природное очарование деформированным владением французским языком. Подтверждением этого может быть образ мол-

даванки, дочери кишиневского аристократа Егора Варфоломея, с которой имел возможность пообщаться А. С. Пушкин: «К молодым гостям выходит дочь хозяина красавица Пульхерица. Девушка автоматически повторяет всем поклонникам две бессмысленные французские фразы» [Гроссман, 2012, с. 202]. Если в столичных городах плавное культурное обнищание общества выглядело достаточно явно, то в провинции оно приобретало особенный характер: то негативное, что присутствовало в столицах, преломлялось в семьях зажиточных провинциалов и трансформировалось в форму наигранной комичности, которая в значительной мере контрастировала с общепринятыми лживыми идеалами. Отношение же к приезжающим французам становилось все хуже и хуже: *«Граблинский вывел и для себя поучение, что с его „тронутым” наставником могла быть беда еще хуже, а смеху по соседству — на целые годы (Но что же скажет по этому поводу княгиня Марья Алексеевна? — вопрос, поставленный в бессмертной пьесе А. С. Грибоедовым. — К. С.), и потому, воротясь домой, он прямо объявил, что „все эти французские языки” дрянь и пустяки и ума человеку не прибавят»* (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 5). Так или иначе, все сестры Граблинские остались необразованными, что, к сожалению, для провинциальной жизни того времени было явлением в большей степени системным, чем редким.

В подобных условиях сестры должны были чем-то заниматься, чтобы скрасить свои дни. Одним из занятий для них стало вязание, а вторым — игра в карты. Поэтому единственной темой для обсуждения становилась человеческая жизнь со всеми ее перипетиями. Так, в доме Граблинских часто появлялись люди разного социального статуса. Одни из них оставались достаточно долго, другие вскоре уходили. Таковыми могут быть названы и приезжающие из столиц аристократы, чьи манеры преломлялись прямо пропорционально уютному локусу дома. *«Я заметил, что их беспритязательное радушие и простота даже действовали на наших губернских господ высшего полета, которым случалось заезжать к Граблинским с редкими визитами; сами не осознавая как, они выходили из-под тяжелого ига — желания казаться „неприступными столичными людьми” — ига, которое налагают на себя бедные провинциалы и тем портят последние остатки прежней губернской жизни, самобытной и оживленной»* (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 5). Бывали в гостях и дети разного возраста, которые чувствовали себя более чем комфортно, потому что сестры никогда не запрещали им быть детьми. При этом сами они практически не следили за поведением юных гостей, предаваясь вязанию и наблюдению в окно. Кон-

цепт ОКНО в очерке — особый образ, так как именно у окна проводят большую часть времени героини. И. И. Шангина замечает: «Окно воспринималось как одно из самых опасных мест в доме, так как оно являлось границей между внутренним миром жилища и внешним враждебным миром» [Шангина, 2003, с. 105].

Дом Граблинских представлял собой вариант статичного пространства, где ничего никогда не меняется. Сестры Граблинские в своем доме были будто бы «отрезаны» от мирских сует, получая информацию либо от странниц, либо из газет, либо от случайно приходящих к ним гостей. Существенность этого аспекта в значительной степени свидетельствует об отстраненности их дома от окружающей реальности, где окно, равно как и дверь, становится своеобразным порталом для связи. Е. Я. Шейнина указывает на другое значение окна: «Принято было подавать через окно (что и сделали сестры Граблинские, когда к ним пришла Анися. — К. С.): это означало благость и откуп. Дополнительный оттенок к этому — стояние влюбленного под окном как прошение подаяния (явления в окне девушки). Место возле окна — традиционно место женских или девичьих рукоделий» [Шейнина, 2002, с. 213–214]. «С другой стороны, сидение у окна в комнате символизировало девушку-невесту или женщину. Девушка сначала сидела за рукоделием подле окна, не выходя из дому и даже не выглядывая на улицу» [Шейнина, 2002, с. 214]. Именно такое поведение мы и наблюдаем у сестер Граблинских — они, так и оставшись незамужними, продолжали сидеть у окна.

Нельзя не указать и на закрытость локуса дома Граблинских — не в значении недоступности, но в значении той трансформации, которая происходила с людьми, приходившими к ним. Они будто бы попадали в состояние сна. Сон занимает особое место в творчестве Софьи Дмитриевны. Так, к примеру, в рассказе «Наследство тетюшки» пансион будто бы погружен в вечный сон. Это мир, где властвует тлен. И что особенно страшно — этот «неестественный покой» является свойственной женским пансионам «болезнью», которой «заражены» все без исключения девушки. Поэтому не случайно воспитанницы и воспитательницы похожи друг на друга. Исследовательница В. В. Пономарева пишет: «Штат классных дам регулярно пополнялся выпускницами женских институтов. Так, классные дамы Мариинского института формировались по большей части из его прежних воспитанниц» [Пономарева, 2019, с. 262]. И Аделаиде Ивановне Штейн свойственны модели поведения воспитанницы даже после получения статуса классной дамы: *«Воздушность в семнадцатилетней девице прекрасна; но когда женщина сохранила, или выработала в себе это свойство уже лет за со-*

рок, я в нем вижу нечто иезуитское, а моей собеседнице было очевидно за сорок» (С. Д. Хвощинская. Наследство тетушки. 1858. С. 171). Мало того, классная дама имела желание и впредь встретиться с посетителем: «Так мы еще будем видеться — неправда ли?» (Там же. С. 177). Героиня Хвощинской — рабыня собственной жизни, променявшая, возможно и не по своей воле, молодость и красоту на склеп пансиона. «Ее судьба — моральное убийство» (Там же. С. 186)», — говорит о тетушке кузина рассказчика Мария.

Сон как мир мертвый может быть рассмотрен и применительно к очерку «Простые смертные». Немецкий социолог и философ Э. Фромм сравнивает сон с клеткой: «...страх быть запертым, быть в заключении, не иметь возможности выйти наружу» [Фромм, 2010, с. 235]. Дом Граблинских тоже можно назвать своеобразной клеткой. Но она совсем иная. При этом они замкнуты в своем локусе, отчего всякий, проходящий в их дом, встречается с небывалым ощущением свободы. Художественная реальность, таким образом, моделируется двумя локусами: «миром здесь» и «миром там». Они сосуществуют в одном времени, но при этом представляют собой полярные формации. В данном ракурсе дом («мир здесь») Хвощинской очень близок квартире на Гороховой улице и на Выборгской стороне в «Обломове» Гончарова. Это не просто замкнутое пространство — это место, в котором герой трансформируется соразмерно своим личным потребностям. Обособленность подразумевает мотив одиночества, характерный для героев Софьи Дмитриевны. И в этот статичный мир проникают внешние раздражители — те, кто преображает художественную реальность, влияя на обитателей этого дома.

В «Городских и деревенских» Хвощинской подобную роль выполняет Овчаров. По наблюдению Е. Н. Строгановой, «разрушая литературные стереотипы, писательница создает откровенную пародию на героя-„развивателя“, который немолод, неинтересен, нехорош собой, но при этом чрезвычайно самонадеян и полагает, что семнадцатилетняя Оленька влюблена в него» [Строганова, 2011, с. 66]. В романе представлен процесс деформации стереотипного мышления героев, о котором говорит Е. Н. Строганова, — довольно часто используемый Хвощинской прием, что актуализирует антитезу «свое-чужое». К. О. Высокович, рассуждая о комедии А. И. Писарева «Наследница», говорит о существовании мотива «мнимого-истинного» [Высокович, 2022, с. 102] — то, что на первый взгляд кажется истинным, на самом деле оказывается мнимым.

Внешний раздражитель, своеобразный «чужой», всегда создает ситуацию контраста, в рамках которой герои начинают условно «развиваться», показывая читателю свои внутренние качества, которые в изначальной форме были имплицитны. Образ «чужого» или «другого», по наблюдению историка С. Н. Якушенкова, на ранних стадиях развития общества не был востребован, поэтому его появление свидетельствует о зрелости социума. Якушенков полагает, что появление «чужого» является своеобразным маркером общества: «Какими бы признаками не обладал Другой/Чужой, он в любом случае выступает в качестве своеобразного зеркала, в котором отражается общество» [Якушенков, 2012, с. 243]. Образ дома в очерке «Простые смертные» становится своеобразным «миром здесь», в который приходит внешний раздражитель из «мира там» — Анисья. Не случайно и то, что сестры Граблинские являются барынями, а обезумевшая от горя пожилая женщина Анисья — крестьянкой. В этой сцене Хвоцинская разграничивает социальные статусы героинь, при этом детально «прорисовывая» антонимичный барыням образ самой крестьянки.

Особого внимания ввиду этого заслуживает обрядовый фольклор, представленный в очерке. Речь, конечно же, идет о причитаниях, являвшихся одной из основных форм народной культуры, бытовавшей на протяжении долгого времени в русских деревнях. Анисья из Дубровицкого, пришедшая в дом к Граблинским, рассказала о своей тяжелой жизни: *«О святую барин приказал ратника от нас поставить; взяли моего старшего, Матюшку. Ну, что уж я с моим стариком за ним сердечным по губерниям, да по постоялым исходили, с ним, с Матюшкой, прощаясь...»* <...> *О вешнюю Николю пожар на селе случился. Взвыли мы, известно, страх. Стал мой Петька у соседа добро выносить; упали на него печка — обе ноги пополам. К другим суткам помер мой косатик, одну меня, как перст, оставил. Не глядели бы мои глаза на свет Божий!»* (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 16). Через образ Анисьи Хвоцинская актуализирует тему народного творчества в ракурсе похоронной причеты, подразделяющейся на рекрутскую и похоронную. Впервые о причитаниях заговорил Е. В. Барсов в сборнике «Причитания северного края» [Барсов, 1872–1882]. Краевед представил большое число плачей, автором которых выступила известная плакальщица Карелии И. А. Федосова. Основания для сравнения следующие. В силу временного фактора Хвоцинская не могла знать о похоронной причете, бытовавшей в деревнях вблизи Петрозаводска. Для нас в данном ракурсе важен другой аспект: наличие сходства между традиционными маркерами причеты и речью героини, Анисьи, через образ кото-

рой Хвоцинская попыталась передать весь калорит крестьянской жизни середины XIX в. На наш взгляд, рязанская и петрозаводская причеты даже с учетом индивидуально-авторского исполнения содержит ряд общих черт, восходящих к традиционным обрядовым формам прощания с умершими. В рамках настоящего исследования использование причитаний именно Федосовой показывает, что фольклорные образы, бытующие в разных регионах, находили свое воплощение в литературе. Хвоцинская не была знакома с причетью Федосовой, но была знакома с традицией плача. Если обрядовые плачи в деревнях часто исполняли профессиональные плакальщицы, а не члены семьи умершего (причиной этого была степень владения навыком вопить), то у Хвоцинской плачи исполняла сама пострадавшая Анисья. При этом Хвоцинская точно воспроизводит саму стилистику плача. Для сравнения: профессиональная вопленица И. А. Федосова причитает по причине кончины мужа:

*«Прискукидилась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньице,
Сквозь хоромишки воронишки летают.
Задержили все распашисты полосушки,
Лесом заросли луговы... поженки»*

(И.А. Федосова. Плач вдовы по мужу. 1872. С. 95).

Плакальщица никогда не называет имени во время исполнения, использует всевозможные метафоры и эпитеты для создания значительности потери. И, естественно, для соблюдения ритмичности плача часто в тексте используются уменьшительно-ласкательные суффиксы.

Соседка обращается к вдове:

*«Как я роцу-то сиротных малых детушек,
Накопилось кручинушки в головушку,
Все несносныя тоскичюшка в сердечюшко;
У меня три поля кручинушки насеяно,
Три озерышка горючих слез наронено
Во победном сиротском живленьице»*

(И.А. Федосова. Плач вдовы по мужу. 1872. С. 101).

У Федосовой вместо слова *дети* — *детушки*, вместо *сердце* — *сердечюшко*, вместо *озера* — *озерушко* и т. д. Анисья не вопит в произведении — этот обряд лишь имплицитно намечен. При этом она называет

своего сына Матюшка вместо, возможно, Матвей. Нельзя не отметить и насыщенность речи Анисьи тропами: здесь и сравнение «как перст», фразеологизм «*Богу душу отдал*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 16). Разумеется, присутствуют уменьшительно-ласкательные суффиксы: «*маленько*» (С. 17), «*косатки*», «*махоньким*» (С. 15). Образ Анисьи — особенный для русской литературы. Хвоцинская одной из первых показала образ крестьянки, женщины, сломленной тяжелой судьбой и плененной игом крепостного права.

На контрасте с крестьянкой Анисьей Хвоцинская показывает портреты аристократок сестер Граблинских. Образ Александры Степановны формирует персонажный уровень произведения, создавая целую галерею следующих за ним женских типов. «*Старшая сестра, Александра Степановна, была вдова, без детей, и с незапамятных времен переселилась, после смерти мужа, опять в дом родителей. Она особенно меня любила и, по просьбе моей, никогда не отказывалась рассказать мне о былых временах, с некоторой гордостью и почтением отзываясь о старинном житье-бытье помещиков и тщательно опуская непривлекательные его стороны; а когда уже было невозможно пропустить их, она объясняла их словами „такое время было“, совершенно впадая в понятия новейших историков, относящих появление жестокости, грубости и других страстей влиянию эпохи в данную минуту*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6). Образ старшей сестры — это образ мудрой женщины, в некотором роде будущий двойник гончаровской Татьяны Марковны Бережковой из «Обрыва». Самобытность и вера в жизненный опыт здесь просматриваются более чем открыто. То теплое чувство, которое Александра Степановна испытывала к автору, есть проекция неразделенной любви к рано ушедшему мужу. Любовь Степановна «*большею частью была молчалива и только вздыхала о людских и своих прегрешениях, о которых искренне молилась Богу, постоянно ходя каждый день в церковь, а остальное время не выпуская из рук работы*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6).

Образ богобоязненной женщины в очерке тождественен мученицам, отмаливающим свои грехи. Впоследствии в романе «Городские и деревенские» Хвоцинская будет иронизировать над подобным типом героев, изображая Анну Ильиничну, чьи взгляды на мир настолько условны, что даже под предлогом богобоязненности она остается человеком исключительно неприятным и комичным. Катерина Степановна «*была знатоком своего дела и самой веселой особой в доме. У нее было много наблюдательности, насмешливый и беспечный характер*» (С. Д. Хвоцинская. Простые смертные. 1858. С. 6). Героиня практически полно-

стью дублирует образ Олиньки Чулковой из романа «Городские и деревенские». Умение все трансформировать в шутку, способность вести себя свободно от толков общества — это те уникальные качества, которые применительно к женским образам ранее никогда не разрабатывались. Олинька вольна в своих взглядах на жизнь и потому свободна. *«Но Олиньке в прошлом году уже исполнилось семнадцать лет; значит, она подошла к нашему времени, то есть к поре лихорадочной, неусидчивой — не к такой, чтобы всю жизнь сидеть на одной снитковской почве»* (С. Д. Хвощинская. Городские и деревенские. 1863. С. 3). Вопреки всеобщему убеждению, она не боится быть одна, так как «знает себе цену» и сама является хозяйкой своей судьбы (редчайшее явление в русской литературе). Поэтому вполне вероятно, что именно Катерина Степановна есть воплощение Олиньки в старости. Наконец, последняя из сестер Граблинских — Вера. *«В гости все три сестры никогда не ездили, и поддерживать знакомство было поручено меньшей, Вере Степановне, что она тщательно и с тайным удовольствием исполняла, потому что была большая охотница до общества. В ней было много замашек старой девушки — скорее забавных, чем несносных; а если ей иногда приходила в голову нелепая мысль, что она может нравиться, то проходила скоро, а, главное, никогда не достигала до надежды на замужество и до поиска за женихом, хотя бы за шестидесятилетним»* (С. Д. Хвощинская. Простые смертные. 1858. С. 6–7). Вера — образцовый тип обитательницы салонов, которая очень комфортно чувствовала бы себя в мореке сплетен и интриг.

Таким образом, в очерке «Простые смертные» Хвощинская показывает четыре типа русских женщин, которые в разных проявлениях находят себя на страницах произведений русской классики:

1) мудрая женщина, женщина-наставница. Как правило, тип репрезентируется через архетип матери, окружающей своего ребенка заботой;

2) богобоязненная, замкнутая женщина, посвятившая себя умиротворенному лицезрению окружающего мира и молитве как сакральному таинству;

3) веселая, жизнерадостная женщина, способная самостоятельно определять свой жизненный путь. Она же или потенциальная жертва, или новое явление в литературе «золотого века»;

4) женщина, обитающая в стихии салонов, типичный образ для XIX в.

Пятый женский образ — Анисья — не может быть отнесен к ранее обозначенной галерее типов, так как транслирует крестьянское

мировосприятие. Но у Анисьи есть уникальная контекстуальная черта — в отличие от сестер Граблинских она является одним из немногих «движущихся» героев в очерке, при этом имея свою историю. И здесь уместно сказать о мотиве возвращения или, в иных толкованиях, о мифологеме блудного сына. Применительно к литературе мотив блудного сына получил довольно широкое освещение. Особенно хотелось бы отметить работу Э. А. Радь «История „блудного сына“ в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох: монография». По мнению исследовательницы, «блудный сын противопоставляет не „отчую страну“ и „чужую страну“, а „отчий дом“ „стране чужой“» [Радь, 2014, с. 92]. Мотив блудного сына применительно к очерку Хвоцинской воплощается в скитании Анисьи из родного дома в дом Граблинских и обратно. Нельзя сказать, что он полностью реализуется, так как для героини практически не существует места, куда бы она могла вернуться. Однако она возвращается после скитаний к Граблинским, что позволяет говорить о доме сестер как «доме». Применительно к творчеству Пушкина И. З. Сурат отмечает: «Однако анализ символа дома возможен лишь в составе поэтической оппозиции дом — путь» [Сурат, 1990, с. 107].

Исследователь М. Бубер выделяет «эпохи обустроенности и бездомности» [Бубер, 1992, с. 40–41]. Литературовед М. В. Строганов, рассуждая о проблеме возвращения домой, приходит к выводу, что «путешествие предполагает не только линейное движение, но и неизбежное возвращение домой, так что любая линия человеческой жизни не может быть протянута бесконечно, она замкнута сама в себе, т. е. фактически, в круг» [Строганов, 2002, с. 263]. Через образ Анисьи Хвоцинская актуализирует мотив возвращения, что переносит ракурс анализа с фабульного на персонажный уровень. Поэтому уместно сказать об изменениях, происходящих с Анисьей за время ее пребывания в доме Граблинских. К. Г. Юнг выделяет две стадии трансформации:

1. Перевоплощение, предполагающее способность человека вернуться в то прошлое, в котором он существовал до своего рождения в этом мире.

2. Возрождение. «Возрождение возможно без изменения существа, так как личность, переживающая обновление, не изменяется по своей природе, а заживление, укрепление или улучшение происходит только с ее отдельными функциями или частями» [Юнг, 2011, с. 216–217].

Изначально Анисья абсолютно лишена рассудка, о чем свидетельствуют и смех, и сбивчивый голос, и преобладание эмоций над разумом. По существу, первая стадия, названная Юнгом перевоплощением,

есть время, проведенное в доме Граблинских, где крестьянка в чужом ей локусе возвращается к своей повседневной жизни, нивелируя трудом страдания души. Литературовед Н. А. Касавина, размышляя над образами героинь И. С. Тургенева и говоря о подавляющей силе прошлого, тяготящем героиню, пишет: «Прошлое личности есть обращенный к ней призыв, на который она должна ответить в соответствии с тем, чем она является сейчас. В этом состоит экзистенциальная ценность прошлого. Именно так можно понять тургеневское ощущение важности и в чем-то тягостности присутствия прошлого как двойника. Прошлое определяет настоящее как в плане несущей основы, так и в плане стесняющего предела» [Касавина, 2018, с. 167].

Возрождением же может быть назван момент встречи с Матюшкой — происходит укрепление веры в будущее, однако потери мужа и сына, вероятно, навсегда останутся в ее сознании. Все эти события тесно связаны с главным героем — Иваном Васильевичем, глазами которого читатель видит и сестер Граблинских, и сумасшедшую Анисью, и тот мир, в котором они сосуществуют.

Заключение

Подводя итог, необходимо еще раз уточнить: Софья Дмитриевна Хвоцинская является одной из самых недооцененных писательниц своего времени и, как точно заметила Е. Н. Строганова, «забытой по собственному желанию». В ходе анализа очерка «Простые смертные» были сделаны следующие выводы:

1) анализ степени образованности сестер Граблинских актуализирует проблему женского образования, с которой С. Д. Хвоцинская была знакома: свидетельством этого выступает рассказ «Наследство тетушки», в котором Софья Дмитриевна показала ужасные условия жизни пепиньерок и классовых дам, а также низкий уровень реализации идеи женского образования в Российской империи середины XIX в.;

2) использование фольклорных мотивов в очерке позволяет говорить о воспроизведении крестьянской жизни в том состоянии, в котором она бытовала: здесь и обращение к обрядовой традиции, выраженной через причитания, и стилизация под специфику русского крестьянского говорения;

3) культура и быт русской провинции, детерминированные через нарратив окна, мифологему «дом» и вязание как свойственный женщинам XIX в. род деятельности, а также через отдаленность от столичных городов локуса дома Граблинских позволили определить специфику авторского толкования жизни русской женщины XIX в., представленную

писательницей (именно в гендерном ракурсе) и оттого более объективно транслирующую психологическое состояние героинь.

К сожалению, на данный момент работ, посвященных творческому наследию Софьи Дмитриевны, очень мало. Но одно можно сказать наверняка: творческое наследие писательницы уже никогда не будет забыто, даже вопреки ее собственному желанию.

Библиографический список

Барсов Е. В. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Москва: изданы при содействии Общества любителей российской словесности, 1872–1882.

Бубер М. Проблема человека. Москва: ИНИОН, 1992. 146 с.

Высокович К. О. Образ светского молодого человека в легкой комедии конца XVIII — нач. XIX века // Litera. 2022. № 1. С. 98–104. <https://doi.org/1025136/2409-8698.2022.1.37262>

Гроссман Л. П. Пушкин. Москва: Астрель, 2012. 544 с.

Касавина Н. А. Экзистенциальное одиночество: смирение и миссия (По мотивам Произведений И. С. Тургенева) // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». Всемирный день философии 15 ноября 2018 года. Москва: Голос, 2018. С. 162–174

Кропоткин П. А. Записки революционера. Москва: Московский рабочий, 1988. 544 с.

Куницын А. В. О правах наследования лиц женского пола // Отчет о состоянии императорского Харьковского университета. Харьков, 1844. С. 5–142.

Михневич В. О. Русская женщина XVIII-го столетия. Москва: Панорама, 1990. 404 с.

Пономарева В. В. Закрытые женские институты Российской империи. 1764–1855. Начало формирования отечественной системы женского образования. Москва: Издательство «Пятый Рим», 2019. 480 с.

Радь Э. А. История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох : монография. Москва: ФЛИНТА, Наука, 2014. 276 с.

Соколов Д. П. Назначение женщины по учению слова Божия. Новосибирск: Общество памяти игумении Таисии, 2016. 92 с.

Строганов М. В. Литературоведение как человековедение: работы разных лет. Тверь: Золотая буква, 2002. 355 с.

Строганова Е. Н. Забытая по собственному желанию: Софья Дмитриевна Хвощинская // Вестник ТвГУ. Серия: Филология (3). 2011. № 3. С. 64–68.

Сурат И. З. «Жил на свете рыцарь бедный...». Москва: Моск. культурол. о-во, 1990. 266 с.

Троцкий И. М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Ленинград: Лениздат, 1990. 318 с.

Федосова И. А. Плач вдовы по мужу // Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым: в 3 ч. Ч. 1: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. Москва: «Современные Известия», 1872. С. 1–44.

Фромм Э. Забытый язык. Москва: АСТ, 2010. 320 с.

Хвощинская С. Д. Воспоминания институтской жизни // Институты благородных девиц в мемуарах воспитанниц. Москва: Ломоносов, 2013. С. 120–152.

Шангина И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2003. 688 с.

Шейнина Е. Я. Энциклопедия символов. Москва: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: ООО «Торсинг», 2002. 591 с.

Энгельгардт А. Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. С. 127–214.

Юнг К. Г. Алхимия снов. Москва: Медков С. Б., 2011. 312 с.

Якушенков С. Н. Образ чужого — от деконструкции к конструкции // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 3. С. 242–249.

May J.-B. Saint-Petersbourg et la Russie en 1829. T. 1. Paris: Levavasseur et Ledoux, 1830. 396 p.

Источники

Хвощинская С. Д. Наследство тетушки // Отечественные записки. 1858. Т. CXVII. С. 165–186.

Хвощинская С. Д. Простые смертные // Отечественные записки. 1858. Т. CXX. С. 1–38.

Хвощинская С. Д. Городские и деревенские. Ч. 1 // Отечественные записки. 1863. Т. CXLVII. С. 1–3.

References

Barsov Ye. V. Lamentations of the Northern Region, coll by E. V. Barsov: in 3 parts, Moscow, 1872–1882. (In Russian).

Buber M. Man's problem, Moscow, 1992, 146 p. (In Russian).

Vysokovich K. O. The image of a secular young man in a light comedy of the late 18th — early 19th centuries. *Litera* = Litera, 2022, no. 1, pp. 98–104. (In Russian).

Grossman L. P. Pushkin, Moscow, 2012, 544 p. (In Russian).

Kasavina N. A. Existential loneliness: humility and mission (Based on the Works of I. S. Turgenev). *Chasy Ivana Turgeneva* = Ivan Turgenev's watch, International conference “Ivan Sergeevich Turgenev: philosophizing writer and political philosopher. To the 200th anniversary of his birth, Moscow, 2018, pp. 162–174. (In Russian).

Kropotkin P. A. Notes of a revolutionary, Moscow, 1988, 544 p. (In Russian).

Kunitsyn A. V. On the inheritance rights of female persons. *Otchet o sostoyanii imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta* = Report on the state of the Imperial Kharkov University, Kharkov, 1844, pp. 5–142. (In Russian).

Mikhnevich V. O. Russian woman of the 18th century, Moscow, 1990, 404 p. (In Russian).

Ponomareva V. V. Closed women's institutes of the Russian Empire. 1764–1855. The beginning of the formation of the domestic system of female education, Moscow, 2019, 480 p. (In Russian).

Rad' E. A. The history of the “prodigal son” in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of eras: monograph, Moscow, 2014, 276 p. (In Russian).

Sokolov D. P. The purpose of women according to the teachings of the word of God, Novosibirsk, 2016, 92 p. (In Russian).

Stroganov M. V. Literary studies as human studies: works from different years, Tver, 2002, 355 p. (In Russian).

Stroganova E. N. Forgotten at her own request: Sofya Dmitrievna Khvoshchinskaya. *Vestnik TvGU* = Bulletin of Tver State University, ser. Philology, 2011, no. 3, pp. 64–68. (In Russian).

Surat I. Z. “Once upon a time there lived a poor knight...”, Moscow, 1990, 266 p. (In Russian).

Trotsky I. M. III Department under Nicholas I; The Life of Sherwood the Faithful, Leningrad, 1990, 318 p. (In Russian).

Fedosova I. A. Widow's cry for her husband. *Prichitan'ya Severnogo kraya, sobrannyye E. V. Barsovym. Plachi pokhoronnyye, nadgrobnyye i nadmogil'nyye* = Lamentations of the Northern Region, coll. by E. V. Barsov, part 1, Moscow, 1872, pp. 1–44. (In Russian).

Fromm E. Forgotten language, Moscow, 2010, 320 p. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Memories of institute life. *Instituty blagorodnykh devits v memuarakh vospitannits* = Institutes for Noble Maidens in the Memoirs of Pupils, Moscow, Lomonosov, 2013, pp. 120–152. (In Russian).

Shangina I. I. Russian traditional life: Encyclopedic Dictionary, St. Petersburg, 2003, 688 p. (In Russian).

Sheynina E. Ya. Encyclopedia of symbols, Moscow; Kharkov, 2002, 591 p. (In Russian).

Engel'gardt A. N. Sketches of institute life in the past. *Institutki: vospominaniya vospitannits institutov blagorodnykh devits* = Institute girls: memoirs of pupils of the Institutes for Noble Maidens, Moscow, 2008, p. 127–214. (In Russian).

Yung K. G. Alchemy of dreams, Moscow, 2011, 312 p. (In Russian).

Yakushenkov S. N. The Image of the Alien — from Deconstruction to Construction. *Kaspijskij region: politika, e'konomika, kul'tura* = Caspian Region: Politics, Economics, Culture, 2012, no. 3, pp. 242–249. (In Russian).

May J.-B. Saint-Petersbourg et la Russie en 1829, t.1, Paris, 1830, 396 p. (In France).

List of Sources

Khvoshchinskaya S. D. Aunt's inheritance. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1858, no. CXVII, pp.165–186. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Mere mortals. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1858, no. CXX, pp. 1–38. (In Russian).

Khvoshchinskaya S. D. Urban and rural, p. 1. *Otechestvennyye zapiski* = Domestic notes, 1863, no. CXLVII, pp. 1–73. (In Russian).